

ЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ “РОДНАЯ ЗЕМЛЯ”

ВЫПУСК СОРОК СЕДЬМОЙ:

Аскольд Завгородний

**О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ТУПИКЕ
И ВЫХОДЕ ИЗ НЕГО (3-я часть)**

Александр Неклесса

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СМЕРТИ

Александр Круглов

АФОРИЗМЫ

Д. Невидимов

РЕЛИГИЯ ДЕНЕГ

Январь 2012

*А.Я. Завгородний,
г.Димитровград Ульяновской обл.*

О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ТУПИКЕ И О ВЫХОДЕ ИЗ НЕГО (3–я часть)

Обозначенная в заглавии тема обязывает продолжить выбранное направление исследования–изложения. Однако, поскольку содержание этой темы в предыдущих работа [1-5] в общих чертах оконтуривает её, а именно: человечество, является следующим за биологическим и психологическим уровнем организации или видом материи. Зародилось оно около 1-1,5 миллионов лет тому назад и, пройдя своё становление (детского и подросткового возраста), вступило в свою зрелость, около 40 тысяч лет тому назад. С этого рубежа и до самого мезолита, а это 10-8 тысяч лет тому назад, человек оставался тем “кроманьёнцем”, которого антропологи называют сапиенсом, а некоторые даже сапиенсом сапиенсом. Это – живой, сознательный и целеустремлённый, то есть духовный человек. Причём, душу человек обретает при рождении, а вот дух, как индивидуальный, так и коллективный входит в него в процессе воспитания, то есть в течение всего становления. Входить то он входит, только очень медленно и нерешительно, с откатами и возвратами звериных особенностей, с чем и связан столь продолжительный (почти миллионлетний) период освоения нового образа жизни.

Конечно, сейчас нет на Земле ни единого места, где бы люди жили в условиях палеолита и даже в условиях мезолита. Но имеются многочисленные модельные социологические эксперименты в Голландии, ФРГ, США и Англии, в которых группы людей – граждан современного буржуазного общества искусственно помещались в условия “первобытности” на относительно непродолжительное время (около 1 года). В работе [5] приводятся воспоминания этих людей. “Мы стяхнули с себя коросту нашего безгранично эгоистического общества, уничтожили в себе обезумевших в гонке за личным успехом индивидуалистов. И мы вспоминаем об этих днях как о дивном сне, прожитом в атмосфере ласковой и доверительной идиллии, в дружбе и сердечной взаимности, истинную цену которой мы сознаём в полной мере только сейчас, в суе больших городов. Нам было жаль, что призраок доисторической деревни безоговорочно исчез. Мы словно что-то утратили, какой-то рай тишины, покоя, взаимного доверия к человеку”.

В той же работе [5] приводятся многочисленные данные об общинах, коммуннах после Октябрьской революции, об отношении Ленина к коммуннам и коммунизму, об эффективности коммунн почти до 30-х годов 20-го века, о попытках возрождения общин в 80-х годах в СССР, об израильских киббуцах и вообще коммуннах за рубежом.

Да и само выделение, отделение Запада от Востока, что это, как не очередной откат-прорыв в человеческом обществе прежних форм общежития, оскал звериного в нас и вызванный этим откат в тупик, названный нами цивилизационным тупиком. Он, конечно, короче, чем первый, неандертальский тупик, но ведь это общая закономерность: все последующие общественные стадии проходят, протекают быстрее, короче предыдущих. Востоку же, сперва отстававшему от Запада в материальном отношении, почти уже удалось его настигнуть в некоторых отношениях и, будем надеяться, удастся превзойти Запад, обществу перейти из предгармонического состояния в гармоническое...

Теперь предстоит упомянуть и пояснить некоторые частности этой темы... В данном случае получается, как у наших астрофизиков. Они сперва теоретически высказывали свои соображения о зарождении нашей Вселенной [6], а вот теперь в середине Европы соорудили огромный синхрофазотрон-коллайдер, который, бог даст, позволит уточнить и прояснить некоторые параметры того, что, возможно, произошло где-то около 15-20 миллиардов лет тому назад. Так и в данном случае: наши современные идеологи и власть-придержащие, чтобы как-то объяснить непомерно возросшую (по их же вине, конечно,) и очевидную для большинства несправедливость в распределении жизненных благ, оправдать направленность своей политики, вынуждены подтасовывать или даже искажать самую Историю...

Вот, например, возьмём учебник “Всемирная история”, год издания 1997. Здесь ряд историков-апологетов современных идеологов подразделяют всю историю первобытного общества на пять этапов-эпох, но не по развитию общества или самого человека, а по изменению его орудий труда. И тогда первый этап в развитии человечества – первобытно-общинный строй – занимает огромный период времени, начиная с момента выделения человека из животного царства (это, по их мнению, около 3-5 миллионов лет назад), сразу до образования классового общества. А далее, по тому же принципу, – каменный век, бронзовый и железный. Пятый этап—эпоха производящего хозяйства. Это хорошая основа для социал-дарвинистов, у которых в условиях романтического культа силы “герой-охотник вступает в социум прямо из животного мира, привнося с собой генетически запрограммированную ярость, жестокость, повадки самого хищного из хищников”. Откуда же тогда у человека (правда не у всех, а только у “хлипаков-интеллигентов”) всё же берётся что-либо человеческое, гуманизм, в конце концов, спрашивается? “Так, а бог на что?” резонно мог бы возразить оппонент. Причём на все эти этапы-эпохи в выше упомянутом учебнике “Истории” всего по одному листочку текста, а остальное (более 400 страниц) посвящено непрерывной классовой борьбе за власть, собственность-имущество, то есть идеям, подтверждающим основные идеалы социал-дарвинистов и их единомышленников. Символично вызывает массу недоумённых вопросов такое представление и, главное, показ первобытной истории.

Ну, это учебник, здесь всё сжато, сокращено до невозможности. Возьмём более развёрнутую работу.. Кстати говоря, название то же: “Всемирная история” в 24-х томах [7]. И весь первый том посвящён каменному веку. Казалось бы, вот где развернуться можно: ведь информации по данным вопросам и по многочисленным литературным источникам (как научным так и в разной степени популярности) море...

Взять хотя бы трёхтомник “История первобытного общества”; [8], вышедшего несколькими годами ранее. Но, нет... Чуть меньшая часть этого пятисотстраничного тома отведена под первобытную культуру палеолита-мезолита, однако большая часть этого тома и все 23 последующих тома подтверждают убеждённость социал-дарвинистов в хронической злобе и агрессивности дикарей и варваров Старого и Нового Света. А меньшая? Меньшая часть этого тома? Из содержания меньшей части этого первого тома, которая посвящена материальной и духовной культуре обитателей верхнего палеолита и мезолита Старого и Нового Света, трудно установить степень их взаимной злобности и агрессивности. Правда изредка межличностное конфронтационное взаимодействие наблюдается начиная с мезолита (это 10-8 тысяч лет назад).

Поэтому лучше привести некоторые подлинные свидетельства очевидцев той далёкой поры, живописно-художественные, примитивно-натуралистические (тогда письменности ещё не существовало), чем они – люди той поры – занимались, кого убивали и, если лилась кровь, то чья и при каких обстоятельствах.

К настоящему времени в результате целенаправленных поисков, только в одной Франции обнаружено **около ста пещер** с изображениями сцен жизни и другими следами пребывания в них первобытного человека времён верхнего палеолита. И всё же, одно из самых выдающихся открытий было сделано совершенно случайно в сентябре 1940 года в одной из пещер Франции. Четыре мальчика, играя, забрались в яму, открывшуюся под корнями упавшего после бури, дерева. Эта пещера, которую называют “Доисторической сикстинской капеллой” превратилась теперь в первоклассно оборудованный музей. Живопись этой пещеры принадлежит к числу самых совершенных художественных созданий эпохи палеолита. О людях этой эпохи и об их взаимоотношениях следует напомнить особо, (хотя в предыдущих работах об этом говорилось [2-4]).

При зарождении человека и человечества в период 1-1,5 млн.лет назад из двух основных инстинктов пищевого и полового в праобщине архантропов только второй – половой – оставался совершенно неуправляемым. Первый – биологический – с самого начала был под социальным контролем, который непрерывно усиливался по мере развития праобщины. Поэтому именно проявление второго – зоологического инстинкта оставалось ещё основным источником конфликтов между формирующимися людьми не только у архантропов, но и у ранних полиантропов.

Становление человеческого общества завершилось, как известно, с появлением рода. Первобытная **община** возникла как община родовая.

Для родовой общины, как известно [4], характерно социальное равенство и **только социальные** отношения. – (производственные), – как бы мы сейчас сказали. Половые же отношения были окончательно вытеснены из этой родовой общины наружу. Но не снова в неупорядоченный промискуитет, а в упорядоченный – брак. То есть, мужчина данного рода вынужден был теперь искать себе полового партнёра, свою подругу-супругу в другом роде, состоящем в брачном союзе с данным родом, к которому принадлежал нуждающийся в половом отношении-общении мужчина. Таким образом, по мере того, как биологическо-зоологическое приспособление к окружающим условиям в порядке естественного отбора начинало играть всё меньшую роль в жизни человека, заменяясь приспособлением природы к нуждам человека в ходе его социальной деятельности, различия в физическом облике человека становилось всё менее заметным и значительным.

Кстати говоря, именно тогда, около 40 тысяч лет назад, человечество стало подразделяться на расы (негроидно-австралоидную, или экваториальную, к которой относятся, например, африканские негры, жители Австралии, европеоидная или европейско-азиатская, к которой относится население Европы, Скверной Африки, Северной Индии, передней Азии и, наконец, монголоидную или азиатско-американскую, к которой принадлежит население Китая, Центральной и Северной Азии, Юго-Восточной Азии, коренное население Америки – индейцы). Именно тогда мы, по-видимому, окончательно лишились большей части своего волосяного покрова. И именно тогда, в период 40-14 тысяч лет назад, то есть в течение более 30-ти тысячи лет в генофонд человечества закладывались положительные моральные принципы, которые до сих пор хладнокровно выветривает второй, цивилизационный тупик, (ведь военные, межобщинные столкновения появились -начались только в мезолите, то есть, не ранее 10-ти тысячи лет назад).

Теперь вернёмся к очевидцам-свидетелям той далёкой поры, к их живописным художествам. Изображения в вышеупомянутой пещере датируются приблизительно 18-м тысячелетием до новой эры. Путеводитель, искусствовед, сопровождающий посетителей по музею, сам просмотревший сотни подобных художеств, как в пещерах Франции, Испании, так и в других местах. Так ведь он же – дитя нашего, тревожного времени, поэтому не применёт отмечать не только эстетические, но и этические стороны живописуемых художеств, возможной агрессивности автора, например. Осмотр начинается с “Большого зала”, или “Зала быков”, как его ещё называют. С левой стороны на некотором расстоянии от входа разворачивается, входя в глубину пещеры длинный фриз (бордюр стены), состоящий из разномасштабных изображений различных животных, на которых в тот период производилась охота. Этот ряд открывается странной фигурой крупного зверя с тупой квадратной мордой и большим отвисшим брюхом. На его корпусе тёмной краской отчётливо прорисованы широкие овалы, а ото лба отходят две длинные прямые линии, напоминающие рога. Сразу за ним следует вереница

скачущих диких лошадей, перекрывающая огромное изображение быка, тело которого покрыто мелкими тёмными пятнами. Прямо против него изображён другой бык такого же размера, как первый (около четырёх метров в длину), между ними очень тонко прорисованы фигурки северных оленей с большими ветвистыми рогами. С правой стороны изображения начинаются на большом расстоянии от входа, в глубине зала. Здесь над всем также доминируют две фигуры быков, среди них самая большая достигает шести метров. Передние ноги быка перекрывает тёмно-красное изображение коровы с телёнком (тоже, конечно, дикой, поскольку приручение животных начнётся позже). Кроме них здесь ещё отчётливо различимы изображения оленей, медведя и лошади. В продольном направлении “Большой зал” заканчивается узким, постепенно расширяющимся проходом, своды которого сплошь покрыты изображениями диких лошадей, бизонов, баранов.

Среди этих изображений, а иногда поверх них нанесены схематические знаки: разноцветные волнистые линии, прямоугольники, разбитые на квадраты, стилизованные растительные формы. Наиболее динамичны и эффективны изображения лошадей, написанные светлой и золотистой охрой, чёрной контурной обводкой и тонким рисунком, передающим не только отдельные детали, но и перспективу.

Интересен также фриз из маленьких тёмных фигур низкорослых степных лошадей, напоминающих пони. Над ними чётко моделированное объёмное изображение коровы, приготовившейся к прыжку через изгородь или яму-ловушку. Направо от середины “Большого зала” очень узкий и низкий пятнадцатиметровый проход ведёт во второе просторное помещение. Обе стены и свод этого следующего помещения покрыты живописными и петроглифическими (петроглифы – высеченные на поверхности скал слабоуглублённые изображения животных, и т.д.) изображениями. Некоторые животные изображены попавшими в яму-ловушку, другие ещё свободны, но уже поражённые стрелами или копьями. Последнее помещение пещеры представляет собой углубление, которое заканчивается коротким узким проходом.

Здесь среди других изображений животных находится единственная в своём роде сцена, расшифровать которую пытаются многие специалисты. В центре – упавшая навзничь фигура мужчины с птичьей головой; прямо перед ней – выставив вперёд изогнутые рога, раненый бизон с вывалившимися внутренностями. Место ранения по диагонали пересекает длинное копьё. Рядом с упавшим человеком изображён длинный предмет с навершием в виде птицы. Слева фигура уходящего носорога, написанная в том же стиле и той же чёрной краской, что и остальные. Два ряда точек заполняют пространство между фигурой носорога и основной частью композиции, как бы указывая на причастность данного персонажа к изображённой сцене.

Всё говорит о том, что здесь изображено конкретное событие: гибель человека в результате нападения разъярённого, смертельно раненого бизона. Присутствие носорога, непосредственно не участвующего в

действии, заставляет предположить, что художник хотел рассказать о событии, разворачивающемся во времени: между бизоном и носорогом произошёл поединок. В то время как победитель-носорог удалялся, появляется охотник, уверенный в надёжности своей маскировки, но раненый бизон неожиданно обрушивается на него своей яростью. Неловко брошенное копьё, ломается, охотник падает, роняя копьёметалку, украшенную фигуркой птицы. В палеолитическом искусстве эта сцена не имеет аналогий и датировать её можно было по технике её выполнения и стилю. (Третья часть верхнего палеолита). Далее ведущий рассматривает эволюцию пещерной живописи, но можно однозначно, уверенно утверждать, что очевидцы и свидетели той далёкой поры если и отмечают злобную ярость, кровопролитие, то только животных, а не людей друг к другу. Межобщинная борьба и братоубийственные столкновения начинаются только с мезолита, то есть не ранее 10-ти тысяч лет назад.

Западная социоантропология, опирающаяся на каменный век полинезийского типа естественно уже не вспоминает эпоху действия социального равенства, характерную для эпохи верхнего палеолита. Маршалл Д. Салинз, который также опирался на каменный век полинезийского типа, и который использовал цепочку категорий “большой человек–локальная группа–племя–вождество–государство”, в своей работе “Экономика каменного века” [11] пишет: “Почти все без исключения учебники, безоговорочно принимая априорную установку, что жизнь в палеолите была чрезвычайно тяжёлой, как будто соревнуются создать у читателя ощущение неминуемой гибели, заставляя его задаваться вопросом не только о том, как охотники умудрялись выживать, но и том, была ли это вообще жизнью”. И хотя один из разделов своей “Экономики...” он посвятил каменному веку, – “обществу первоначального изобилия”, он вынужден закономерно приходить к следующим обобщениям: “И, наконец, что можно сказать о современном мире? Считается, что от одной трети до половины человечества каждую ночь ложатся спать голодными. В древнем каменном веке эта категория должна быть куда малочисленнее. Наша эра – эра беспрецедентного голода... Голод как явление растёт абсолютно и относительно по мере эволюции культуры”. И ещё “Бедность – это социальный статус. И, как таковая, она является изобретением цивилизации. Она выросла вместе с цивилизацией, одновременно с несправедливым разделением на классы...”

В завершении следовало бы остановиться на рассмотрении Ю.В. Сафрошкиным разных сторон глобального цивилизационного тупика: идейно-концептуальный, ресурсный, экономический, экологический, политический, и хорошо выразился он – Юрий Васильевич – о силовой гегемонии США–младшего (по возрасту), но теперь главного “брата” Западной цивилизации, не колеблющего, похоже, “наломать дров” и жизней на чужих территориях ради своего эгоизма” [12].

Библиография:

1. Завгородний А.Я. Международный конгресс “Духовность, экология, человек”, Краснодар, 1-3 октября 1993 года. Доклад. “О возникновении и связи человеческого и божественного”.
2. Завгородний А.Я. “Логика снятия социального кризиса” Экоософские начала социологии будущего. Первая энциклопедия третьего тысячелетия. Том 1-й, 2000г.3.
3. Завгородний А.Я. “Обращение к общинникам”. Этическое движение “Родная земля”, № 23, 2004г.
4. Завгородний А.Я. “О цивилизационном тупике и выходе из него” Этическое движение “Родная земля” № 27, 2005г.
5. Завгородний А.Я. “О цивилизационном тупике и выходе из него” (2-я часть), Этическое движение “Родная земля”, № 45, 2011г.
6. Силк Дж. “Большой взрыв”. Рождение и эволюция Вселенной. М., 1982.
7. “Всемирная история”. Учебник.. Изд. “ЮНИТИ”, 1997г.
8. “Всемирная история”, в 24-х томах, Минск, “Литература”, 1995 г.
9. “История первобытного общества”, в 3-х томах, изд. “Наука”. 1983 г.
10. “Малая история искусств”. Первобытное и традиционное искусство. , М., изд. “Искусство”, 1973 г.
11. Маршалл Д. Салинз “Экономика каменного века”, М. 2000 г.
12. Сафрошкин Ю.В. “О тупиках и конце и “конце истории” Западной цивилизации” Этическое движение “Родная земля”. № 27, 2005г.2

Александр Неклесса

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СМЕРТИ

Динамизм новых миров всегда свидетельствует об их превосходстве над страной, откуда они вышли: они осуществляют идеал, который остальные втайне лелеют как конечную и недостижимую цель... Внезапное появление подобного общества на карте сразу упраздняет значение обществ исторических.

Жан Бодрийяр

Между тем чувства эти для современного человечества не уникальны: постепенно они становятся уделом многих стран и народов. Страданиями и горечью наполнены Африка и Ближний Восток, разного рода криминальные "треугольники", "звёзды" и "полумесяцы" — "островные" территории, не контролируемые законной властью, возрождающие память о реальности былых пиратских республик. И гнезда современных асасинов — носителей энергий системного терроризма. Сегодня на Земле можно насчитать немало мест, где градус страданий за последние годы не понижался, а повышался, порождая такие феномены как несостоявшаяся, трухлявая государственность, неспособная, да и не особо стремящаяся обеспечить безопасность своих граждан. Или выход в мир из темных глубин подсознания, прорыв

в окружающую человечество реальность откровенного, свирепого геноцида, — вспомним о жертвах распавшейся Югославии или Руанды.

В основе подобной череды драм — длинные сюжеты истории, постигаемой как общая судьба человечества; сюжеты, адекватные истине прочтение которых есть одна из неперенных добродетелей правителей и долг профессионального экспертного сообщества. Проникая мысленным взором за привычный горизонт оптимистичной прогностики недавнего прошлого, нам нередко приходится лицезреть уже не столь привычное для прежних схем "светлое будущее", но обретающих плоть и кровь его темных, неукротимых близнецов.

История не закончилась в конце XX века, однако, судя по многим, даже слишком многим признакам, она заметно меняет русло.

ЭЛИТНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

*Я не человек, я динамит.
Фридрих Ницше*

Есть, однако, у происходящих на планете событий некое, не вполне очевидное второе дно, своеобразный андеграунд, заявляющий о себе порой самым неожиданным образом.

На пороге третьего тысячелетия, в пространстве исторического действия сформировался субъект, активно влияющий на социальную реальность, — эффективно проявляющая себя личность (группа лиц), отсеченная от прежних культурных корней, но получившая прямой доступ к мощным инструментам высокотехнологичной цивилизации — финансовым, организационным, информационным, техническим.

Иначе говоря, движущей силой (пост)исторического процесса выступает активный деятель, динамичный *социоантропологический организм*, занимающий заметно иную общественную позицию, однако не ставший из-за этого сборищем маргиналов-одиночек, но нашедший в негативистском отрицании прежней формулы бытия критическое число соратников/союзников, которые отвергают Старый мир в его различных ипостасях. Подобный персонаж истории пристально вглядывается в смутно различимые для конвенционального взгляда политические и общественные конструкции (своего рода эффект гаррипотеровской *платформы 9 3/4*), прикидывая, как их можно использовать в качестве трамплина для действенной колонизации будущего.

Здесь можно было бы вспомнить многих провидцев, конечно, с определенными поправками и оговорками, внесенными временем, — от Огюста Кошена до Фернана Броделя, который писал: "Можно ли выйти из ада? Иногда да, но никогда в одиночку, никогда без того, чтобы принять жёсткую зависимость от другого человека. Необходимо присоединиться к той или иной общественной организации... или создать таковую — с её собственными законами, *контробщество* (курсив мой. — А.Н.)". Следующий логический шаг на этом пути чем-то напоминает

знаменитую, но совершенно по-новому прочитанную формулу "Государство — это я".

Другими словами, антагонист существующей формулы власти — **пассионарная, суверенная и слабо связанная в организационном отношении констелляция людей и организованных,** нередко асоциальная по отношению к существующим формам общественных связей, или, по крайней мере, резко критически к ним настроенная, либо иным образом отделившая себя от прежней среды и объединенная дерзновенным прочтением топографии будущего. Это и есть тот субъект/агент перемен, "малая динамичная общность", "закваска", с пользой для себя впитавшая достижения проектной культуры XX века и совершающая ныне на планете масштабную социальную революцию, переиначивая, переворачивая форматы повседневности, равно как и смысловые пространства уходящего мира. Энергичные организмы, вдохновляясь открывающимися перспективами, ощущают себя — независимо от форм включённости в прежнюю систему — элитой Нового мира; они способны безжалостно распорядиться своей и чужой свободой, действуя как с нижнего, так и с верхнего этажа социальной иерархии. При этом подобные индивиды и амбициозные группы различных толков ведут диалог, как правило, через головы других людей, воспринимаемых ими как безликий хор статистов.

Время необходимое для подготовки и реализации провокативных идей между тем сжимается, а возможности и пространства их воплощения — многократно умножились. Для неформальной, но влиятельной элиты, выстраивающей в обновленном космосе собственные смысловые коридоры, характерны особая гибкость, персональное разделение рисков, полифоничность, нестандартность подходов и принимаемых решений. А демонстративный характер одних акций вполне уживается с принципиальной непубличностью других. Амбициозные корпорации не нуждаются в институционализации своих претензий, по меньшей мере, в прежнем значении понятия, что косвенно проявляется в утрате искусства чтения их социальных связей, в кажущейся иррациональности, подчас анонимности ряда судьбоносных событий.

Субъекты, действующие поверх общественных барьеров, пребывая в пространстве собственного социокосмоса, подвергаются обвинениям в произвольном толковании закона, прямом пренебрежении им, в гегемонизме и терроризме. Однако они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики и представительной демократии, утрачивающие прежнее значение и приобретающие — в меняющейся и многослойной среде — чуть ли не черты маргинальности.

То что мы наблюдаем сегодня, воспринимается как "**Большая историческая пауза**" — своего рода плевра социального постмодерна, предместье и заря некой призрачной постцивилизации. Пока еще смутный контур полярного града освобожденного Франкенштейна: симбиоз разнородных, на скорую нитку сшитых деятельных пространств

и управленческих решений. Порою, как и всякая химера, весьма причудливого свойства. Однако даже первые картинки пришедшего в движение на переломе тысячелетий калейдоскопа — распад СССР и перманентный иракский кризис, экзотичные сетевые организации и системный терроризм, новая экономика и виртуальная реальность, гиньоль на тему "золотого миллиарда" и карнавал антиглобализма — существенно повлияли на представления о мире, обществе, человеке.

История, нанося болезненные удары, совершая прорывы и зигзаги, расплачивается по счетам полновесной валютой — опытом. Исследователь же открывающихся пространств, вычерчивая востребованную временем географию постсовременного глобуса, задумывается над ключевым в данной ситуации вопросом: что сулит человечеству торжество новых принципов, и каковы окажутся кардинально пересмотренные правила игры на планете?

Культурный шок, испытываемый от столкновения с изменившейся реальностью, обостряет чувство утраты ценностей, нередко сопровождаемое ностальгией по прежнему миропорядку. И те же шок, боль, травма, кризис дают шанс на преодоление социальной инерции, на радикальную терапию назревших, но не решаемых в привычной системе координат проблем. Одновременно результатами потрясений становятся надлом, инволюция, гибель. Через пятьсот лет после открытия Нового Света люди обнаружили порог, а за ним медные врата Нового мира. Портал открыт, а символические геркулесовы столбы-близнецы прежней ойкумены — *Twin Peaks* столь любимых игр современности — оказались повергнуты в прах.

Растиражированная средствами массовой информации и фабриками грез картография грядущего века меж тем обрывочна и неточна, порой прямо ошибочна. И все-таки в зыбкой, турбулентной среде многочисленных *X-files* цивилизация стремится удержать свои начала, обретая новую кожу, ибо в противном случае она обречена раствориться в стихии иного порядка вещей. Перейдя от мира, совершавшего чудовищные ошибки, но стремившегося возвысить ценность человека, к многолюдному социуму, где человеческая жизнь окажется дешевле, чем на невольничьих рынках древности, — она попросту не будет стоить ничего.

"КОРПОРАЦИЯ ЗЕМЛЯ"

На рубеже III тысячелетия кардинально изменился сам формат отношений между Востоком и Западом, Севером и Югом. Сегодня мировой Север и мировой Юг — это уже не "Север" и "Юг" в понимании 20-30-летней давности.

Становление *Нового Севера* — транснационального пространства конкуренции и конвергенции элит-ресурсодержателей — генетически восходит к просторности североатлантической цивилизации, однако обладает собственными географией, целеполаганием, запутанной и изменчивой иерархией. Привычная же формула глобализации — взвесь

американизации, вестернизации и мультикультурной транснационализации в одном флаконе — постепенно выдыхается. Ее образ держится, по существу, лишь на трёх китах — Соединенных Штатах, Объединенной Европе и Китае. Вне этой, компромиссной по отношению к прежнему мироустройству оболочки, *глобализация постпатриотизма* воспроизводит явно иную морфологию и несет совершенно другие смыслы.

Это пространство конкуренции типологически новых субъектов глобального влияния — мировых взаимосвязей, транзитных псевдоморфоз или, скажем, тех же амбициозных корпоративностей. А также закрытых проектов, для адекватного описания которых требуется смена языка анализа, категориального аппарата (к примеру, серьезная модификация категории "международные отношения") да, пожалуй, и самого несколько выцветшего от времени ярлыка "глобализация".

Как следствие, в пространстве интеллектуальной рефлексии на тему (пост)современности все чаще возникает ложное ощущение смыслового вакуума, парадоксальное на фоне высокого динамизма и драматизма происходящих событий, которое и кристаллизуется в ощущении "большой исторической паузы". Большой отнюдь не по своей продолжительности, а, скорее, по масштабам и характеру грядущих перемен.

В прописях наступающей эпохи — под покровом категориального, *лексического*, но никак не предметного, *феноменологического* вакуума — множатся летучие острова новой Лапутании, само существование которых принижает понятие национального суверенитета или цивилизационной экспансии. Здесь культивируется стремление тех или иных кланов (до поры прикрываемое национальным интересом) обеспечить себе право и возможность контролировать ресурсные потоки планеты, манипулировать мировым доходом и смыслопроводящей паутиной.

Это интернациональное сообщество активно проектирует и реализует систему, основанную на сложном переплетении стратегических договоренностей и взаимовыгодных действий администраций, влиятельных оппозиций, "астероидных групп", вбирающих в себя могущественные осколки прежних национальных организмов. Единицей цивилизационной идентичности в данной среде становится, скорее, тип активности либо принадлежность к клану, нежели государство.

Не менее энергично проявляет себя пространство *Глобального Юга* — рассеянное по планете многочисленное и разноликое племя миноритарных владельцев акций "Корпорации Земля". Играть по нынешним правилам для них бессмысленно. Действуя так, они останутся вечными маргиналами, не имеющими даже собственного голосующего представителя в глобальном Совете директоров. И в этом пестром замесе прорастает, зреет понимание политики, экономики, социального действия, отвергающее прежнюю систему ценностей. Одновременно ведется интенсивный поиск нового ресурса, способного

превратить обитателей цивилизационной периферии, равно как и других планетарных изгоев в действительную, признанную мировым сообществом силу. Наконец философский камень нового эона был обнаружен. Место ресурса жизни в сообществе Глубинного Юга начал занимать ресурс смерти, конструкцию — деконструкция, желание же комфортно обустроить жизнь вытесняется стремлением с максимальной эффективностью реализовать этот единственный неотчуждаемый от человека ресурс: *смерть*.

Извлеченный из (пост)современного сундука Пандоры и по достоинству оцененный веком ресурс реализуется как в оперативно-тактических, так и в стратегических комбинациях эпохи, в том числе под именем нового терроризма. Но не только подобным образом.

Эпизодические проекты деструкции плодов цивилизации возникали, время от времени, и в прошлом. К примеру, в минувшем столетии они были реализованы в экономике на волне избыточного, то есть не покрываемого платежеспособным спросом производства, когда запылали костры экономически обоснованного, однако социально нелепого, прямо-таки гротескного уничтожения результатов человеческого труда. Позже деструкционные мини-проекты перевоплотились в масштабные схемы высокотехнологичной военной деструкции.

В истории человечества призывы к аннигиляции, мания убийств и самоубийств порою охватывали людей, чье поведение начинало походило на загадочный исход леммингов. Еще на заре прошлого столетия самоубийство было названо известным деятелем русского Серебряного века "актом свободы". Лозунг "Да здравствует смерть!" являлся опознавательным знаком одного из влиятельных социально-политических движений Европы, некоторое время, казалось, грозившего захлестнуть мир. Эпицентром же разрушений и бедствий столетия стала мировая "тотальная" война, ряд эпизодов которой были впоследствии заклеены как преступление против человечества. Война, оставившая на теле европейской цивилизации в числе других шрамов стигматы "лагерей смерти", оснащенных технологиями массового уничтожения жизни. А завершающие век десятилетия отмечены миллионными гекатомбами Камбоджи, Южного Судана, массовой резней в регионе африканских "Великих озер", рецидивами бесчеловечности и жестокости, которые, казалось бы, навсегда ушли в прошлое.

Современный российский литератор в известной газете задает риторические вопросы: "В новом веке не пора ли вспомнить экзистенциальные заветы? Кто он — Старший Брат? Не Господь ли Бог? Где диктат? Что такое Системы? Не Бытие ли? А освобождение — не в смерти ли?" И сегодня террористы-самоубийцы родом из многих стран, ведомые различными политическими и идеологическими мотивациями, становятся *обыденной* приметой (пост)современного мира наряду с мастерски спланированными и проведенными на высокотехнологичном уровне террористическими акциями против гражданского населения.

Социальная революция перманентна, однако ее динамика отнюдь не линейна: она — в цивилизационном сдвиге, в перемене основ, в разрывах, взлетах, провалах бытия. Эклектичная и взрывоопасная смесь Глубокого Юга и Нового Севера, начиная бурлить, вынуждает припоминать постулаты основательно подзабытой мировоззренческой системы, когда-то целенаправленно ввергавшей своих адептов и последователей в нигилистические бездны небытия, усматривая в смерти основной смысл и главное деяние жизни.

ПОСТГЛОБАЛИЗМ

Каждая смерть — рождение. Боль — удовольствие.
Когда баланс нарушается, земля отвергает нас.
Фраза из современного кинематографа

Наш мир не многополярен — он многомерен. В глубинных пространствах Юга, исключенного из современной ойкумены, формируется собственный сумеречный и транснациональный *Underworld* — мозаичная зона глобальных пропорций, населенная теми самыми миноритарными акционерами, чей единственный козырь — эффективно и эффектно разыгранная смерть. Ресурс, как мир убедился, вполне востребованный на глобальном рынке, и ныне интенсивно используемый социально-политической/финансово-экономической мегамашиной (пост)современности.

Припомним, обитатели Юга составляют подавляющее большинство жителей планеты — сотрудников и безработных корпорации земель, которые настойчиво добиваются изменения правил игры и дополнительной эмиссии голосующих акций, в том числе за счет тайных кладовых обнаруженного ресурса. Потенциальная мощь данного богатства между тем становится объектом перманентной игры на повышение. В результате на горизонте истории забрезжил смутный образ альтернативной "цивилизации смерти", отдельные элементы и кое-какой инструментарий которой уже включены в пространство политических игр.

Однако эффективно поданная (проданная) смерть — это не просто рычаг перемен в пользу Глубокого Юга. Возможно, речь идет, хотя и не вполне еще внятно, все-таки об ином. В лабиринтах Нового мира, в процессе радикальных изменений геокультурного и культуртрегерского формата отношений Востока и Запада, не один униженный Юг приступил к разработке кладовых "ресурса жертвы". Осознали и приспособили его для собственных нужд также другие постисторические персонажи.

Еще в прошлом веке началось активное обсуждение (сейчас оно продолжается) проблемы сдерживания роста, контроля и даже сокращения в той или иной форме избыточного ресурса жизни на планете. В данном контексте заметно иначе прочитываются некогда шокировавшие европейский мир сентенции безумного философа: "создать новую ответственность, ответственность врача, для всех случаев,

где высший интерес к жизни, восходящей жизни, требует беспощадного подавления и устранения вырождающейся жизни...".

Дебаты о последствиях демографического взрыва сливаются с темой нищеты и радикализации Глубокого Юга, подводя человечество к фактическому пересмотру прежнего реестра ценностей цивилизации и культуры. Так, на "земляничных полянах" (пост)современности с некоторых пор ощутимо дыхание экофашизма — планов радикальной/плавной депопуляции Земли, переступающих через, казалось бы, незыблемо утвержденные социальные и моральные запреты. Экофашизма, постепенно переходящего от призывов к самооскоплению и автоаннигиляции, к сумеречной проектности биотерроризма невиданных прежде масштабов, которая и преследует, в общем-то, совершенно другие цели.

Обсуждение последствий демографического взрыва, равно как и проектируемые радикальные его опровержения, обозначили выход на поверхность не только глобальных схем активного сокращения пространств нищеты или превентивных планов укрощения многоголовой ярости бытия. Здесь также заметно присутствие холодного разума, с позиций собственной исторической перспективы оценивающего потенциальную антропологическую деструкцию и масштабность планов построения постчеловечного мира. И хотя пока это не более чем гипотетичный и двусмысленный элемент иных схем и построений (связанных, скорее, с конкуренцией социального/политического доминирования либо представляющих подводную часть закрытых проектов и методик управления кризисами), тем не менее, подобное мироположение все чаще означает не только разрешение форсмажорных ситуаций, но также их форсирование, углубление, приумножение.

Подобного рода действия при желании можно охарактеризовать и как отчаянные попытки контролировать неопределенность складывающейся на планете ситуации, которая развивается подчас в худших традициях дьявольской альтернативы. Или как формирование устойчивой стратегии управления поднимающим голову хаосом — этого интенсивно разрабатываемого направления новейшей управленческой культуры. Существуют вместе с тем и более глубокие измерения деструктивного управления, связанные с протоформами целостной композиции "культуры смерти". Короче говоря, в социальном космосе возникают зачатки квазиантропологической системы, помышляющей утвердить себя со временем в качестве устойчивого свода событий и новой меры вещей.

Пунктиром развития подобной логики могут служить обоснования "тотальных", а не "цивилизованных" войн, обнаруживаемые в анналах эпохи, наверное, еще со времён Столетней войны. Речь идет о культивации и легализации процедур ведения боевых действий, редуцирующих и дегуманизирующих правила жестокой "социальной игры", включающих в стратегию (причем одновременно с заключением гуманистически ориентированных договоренностей) целенаправленные

акции против мирного населения и гражданских объектов. Вплоть до рутинно разрабатываемых планов, при реализации которых параметры успеха измеряются именно масштабом управляемой (то есть "конструктивной") деструкции. Историческую адаптацию чего можно усмотреть, к примеру, в логике ковровых бомбардировок или создании оружия Судного дня.

В той или иной форме деструкция постоянно присутствует в человеческом обществе, будучи инкапсулирована в культурный текст, для которого характерна определенная асимметрия конструкции и деструкции (исторически, в целом, в пользу первого компонента). Деструкция традиционно прочитывалась как асоциальное действие, и в то же время ее сублимация — стержень обновления, деконструкции и реконструкции самой культуры, а также таких феноменов, как история и цивилизация. Формой же социальной легитимации наиболее бесчеловечных, неприкрыто антиантропологических кодов уничтожения является война.

Наконец кто-то решается властно, деятельно произнести — "правил нет, они не существуют" — и хрупкий лед цивилизации, столь привычный космос человеческого общежития оказывается взорванным и разрушенным.

Как бы то ни было, приходится констатировать некоторое смещение исторического баланса конструкции и деструкции в пользу последней.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СМЕРТИ

Одни верят в жизнь, другие — в смерть.

Я верю в смерть.

*Из исповеданий смертницы,
которой помешали произвести взрыв*

Радикальное переосмысление в данном контексте уже не военной, то есть чрезвычайной, ситуации, а структур повседневности с их ползучей модификацией выворачивает наизнанку привычные исторические замыслы, трансформируя прежнее целеполагание человечества

Подобная противоречивая и во многом гипотетичная перспектива, быть может, обозначила реальную траекторию событий, в то время как деспотия обыденности скрывает от нас агонию цивилизации, казалось бы, удерживающей завоеванные в предшествующие века гуманистические позиции, но на деле шаг за шагом нисходящей в историческое небытие. Образно говоря, современная (modern) цивилизация напоминает гигантскую льдину, постепенно растворяющуюся в клокочущем и бурлящем океане времени. Является ли подобное состояние составной частью истории, или же оно знаменует начало некой контр истории человечества?...

Прошло вполне достаточно времени с тех пор, как был осознан, сформулирован и апробирован тезис: если "над жизнью нет судии" и все позволено — любой эксперимент в марксистском, ницшеанском или

фрейдистском духе, — то логическим концом истории станет антропологическая катастрофа, планета превратится в постчеловеческий мир. Социальное время начнет обратный отсчет, а, в конечном счете, в обществе прорастёт и возобладает ахрония — макабрическая "цивилизация смерти", лишенная реального исторического вектора, каковым является структура времени в его общепринятом сейчас понимании. Если так, то наступит неведомая доселе эпоха, когда смерть становится главным ценностно-насыщенным, культурно разработанным и социально диверсифицированным содержанием жизни.

В итоге, по мере снятия моральных и более глубинных препон, на повестке дня глобального сообщества рано или поздно оказывается идея "онтологического первенства *ничто*". Вместе с вытекающей из нее мыслью о вероятности и допустимости частичной либо универсальной деструкции деградировавшего сообщества, её легитимации и даже своеобразной социализации. Идеи и сценарии, проклюнувшиеся в подобном антиидеале "пира во время чумы", поющего вселенский Гимн Зиме, со временем обретают шанс перерастить рамки локальных плясок смерти, претворившись в действия, ведущие к организации тотального (планетарного) кризиса того или иного толка, чтобы "мыслящая субстанция" могла либо раствориться в небытии, либо обрести сразу и вдруг бытие иное.

Помимо общей диспозиции, по-своему толкующей события XX столетия, — существенно раздвигая при этом смысловые ретроспективы века, поставившего ряд "экспериментов", включая опыт ГУЛАГа и Холокоста, Дрездена и Хиросимы, Пол Пота и Руанды (Но можем ли мы с уверенностью ответить на вопрос, символами или эскизами чего эти события являются? Способны ли мы, хотя бы отчасти, представить себе природу и форму гипотетичного "глобального Холокоста"?), — в логике социализированной деструкции утверждается и прочитывается также нечто более "интимное", частное. Но в то же время прагматичное: соединение в стратегии жизненного успеха строительства *амбициозной карьерной траектории* и *всепоглощающей жертвенности*, ищущей не менее грандиозного разрешения, когда управляемая смерть воспринимается как главное деяние, своеобразный апофеоз жизни. Ибо ход истории предрекают не только держатели привычного реестра ресурсов, но и жертва. В условиях власти, тотально подавляющей личность, подвергающей геноциду этническую группу, нацию, расу, профессиональную или социальную страту, порою лишь уникальная жертва способна одержать верх над режимом.

Не вполне очевидный политический привкус подобной мотивации был прочувствован на исходе второго тысячелетия, когда ее перспективы оказались прочитанными весьма разноликим образом. В том числе и совершенно иначе, нежели мыслилось теми, кто впервые выдвинул соответствующую идею. В сущности, умные головы не только отыскивали новый вид оружия массового поражения, но также обнаружили принципиально другое направление исторического творчества,

реализующего потенцию жителей цивилизационной периферии трансформировать себя в действенную, влиятельную и в то же время доступную управлению — прямым либо косвенным образом — силу. В итоге создается удивительный механизм: эффективный рычаг точечного, а при необходимости и массированного воздействия на происходящие события, набор остро отточенных скальпелей для хирургии стремительных перемен.

Идея корректировки истории жертвой — основная ценность, на которой зиждилась двухтысячелетняя цивилизация, — предельно извратилась, обретя в начале тысячелетия третьего вполне карикатурное и вовсе не христианское, а скорее гностическое (*лжеименное*) звучание. В результате на планете возрождается нигилистическое мировоззрение, в своих основах излучающее тягу к смерти, отрицающее состоятельность тварного мира, претензии социальных институций на легитимность и даже само право человека на бытие.

Так или иначе, прежняя история завершается. Одновременно нарастает предчувствие новой эры, становятся различимы контуры будущего, призрачная картография которого непривычна, порой гротескна, тексты темны и невнятны. Путеводные нити, выверенные временем знаки и символы — всё это либо изнашивается, стирается, становясь непереводаемым на язык новой повседневности, либо прочитывается по-иному — произвольно, разноречиво. И толкуется весьма конъюнктурно. Возникающие же на ткущихся холстах письма заметно отличаются от привычной речи, вызывая в памяти забытую в годы ликующего прогресса огненную невнятицу "*мене, текел, фарес*", казалось бы, навсегда ушедших эпох...

Огненные руны — своего рода зарницы Нового мира, вплотную приблизившегося к людам и мало напоминающего социальную среду прежнего эона, по крайней мере, погружающуюся в небытие позолоченную, тучную Атлантиду Модернити. И хотя в некоторых частях планеты Земля процесс грандиозной мутации еще не слишком приметен, в других местах он видится гораздо яснее, понуждая размышлять о где-то, когда-то посеянных цивилизацией, а теперь прорастающих зернах: скрученных в тугую пружину воздушных потоках — вестниках приблизившихся вплотную бурь и перемен.

<http://www.apn.ru/publications/article1542.htm>

АЗБУЧНЫЕ ИСТИНЫ

Всему на свете можно найти оправдание, кроме правды.

Повязку на глазах у Фемиды легко превратить в кляп.

Какое из нынешних воинских званий тянет на рыцарское?

На жизненном пути встречается немало путевых обходчиков.

Некоторые не только умирают, но и живут, не приходя в сознание.

Наломать дров проще всего с Древа познания.

Историческая справедливость начинается там, где кончается простая человеческая.

Из рога изобилия сыпется всё больше всякой дряни.
Иногда только с помощью денежных знаков можно обойти дорожные.
За избитые истины не бьют. Бьют за неизбитые.
Зарывая талант в землю, не нарушайте подземных коммуникаций!
Вера возможна только там, где никогда не ждёшь обмана.
У жизни, говорят, много ступеней. На деле – сплошные пролёты.
Некоторым мало того, что они существуют. Они
ещё и влачат своё существование.
Всё на свете можно объяснить глупостью – не своей, так чужой.
Даже самая порочная система стремится стать идеальной.
Стать жертвой справедливости не менее неприятно,
чем жертвой несправедливости.
Прежде чем делать из мухи слона, подумайте,
как поставить его на довольствие.
Человек осваивает природу, постепенно стирая её с лица земли.
Иван Иванюк

Неведимов Д.

РЕЛИГИЯ ДЕНЕГ **(главы из книги)**

Для дальнейшего анализа нам необходимо понять относительность материализма. Точнее, относительность преобладающего в нашем сознании понимания материализма в приложении к обществу и общественному сознанию.

Согласно основному закону развития, закону отрицания отрицания, рано или поздно нам предстоит сделать новый скачок, сделать шаг на новый виток спирали. Мы должны прийти к отрицанию материалистической науки в том виде как она есть, и к отрицанию отрицания идеализма и религии; к пониманию и науки, и религии на новом уровне. Несомненно, что сегодня в русском обществе активно идёт процесс возврата к религии. Он вызван неспособностью науки ответить на вопрос, куда и как будет и должно дальше развиваться общество. Одним из главных недостатков науки является отсутствие в ней понятий Добра и Зла. От того, удастся ли разрешить противоречия между наукой и религией, зависит, получится ли у нас сделать скачок и подняться на уровень выше, или общественное сознание вернётся на более примитивный уровень.

Можно выделить два главных противоречия между наукой и религией, без разрешения которых невозможно двигаться дальше.

Первое — отношение к первичности материи и сознания и, соответственно, к объективности общественного развития.

Второе — отсутствие связи между языком науки и языком религии; отрицание наукой, нередко в насмешливой форме, религиозных знаний.

I. Материализм и сознание

Что первично, материя или сознание? Идеализм утверждает, что сознание человека первично, а внешний мир, материя – вторичны и субъективны, зависят от того, кто их рассматривает. Материализм утверждает, что материя – это объективная реальность, данная нам в ощущениях, она не зависит от нашего сознания; материя первична и объективна, сознание – вторично. Как видим, эти два подхода принципиально противоречивы.

Из идеализма и материализма вытекают понятия Субъективного и Объективного.

Объективность понимается как независимость получаемой картины от наблюдателя. Например, не важно кто и где измерит массу одного литра чистой воды, она всегда будет одинакова. Заметим, что для получения объективных данных наука требует с исключительной точностью следовать правилам наблюдений.

Субъективность понимается как относительность результатов, их зависимость от наблюдателя. Скажем, для одного человека литр воды будет тяжёлым, для другого – лёгким.

Религия всегда придерживалась идеализма. Все естественные науки, которые мы изучаем в школе и университете, исходят из материалистического взгляда на мир. Материализм сегодня господствует почти в любой стране мира, независимо от политического строя. Наука утверждает, что научные методы и знания объективны, религиозные же – субъективны.

Материализм и общество

В применении к обществу, материализм означает наличие объективных, не зависящих от человека, законов развития общества. Развитие общества выглядит как некий predetermined путь, единственно возможный. Люди могут быстрее или медленнее двигаться по этому пути, но они не могут свернуть с него. Считается, что любая попытка шага в сторону обречена на неудачу.

Смысл наук об обществе видится в том, чтобы познать эти объективные законы, так же как познаются законы физики или химии. Тот, кто совершит физическое открытие, сможет первым применить его. Тот, кто первым познает общественный закон, сможет первым сделать правильный шаг вперёд к прогрессу. Если закон был познан правильно, то общество последует за первооткрывателем, если же закон был познан неправильно, то рано или поздно общество убедится в ошибке и объективно будет вынуждено вернуться на правильную дорожку.

Материалистический подход к истории и обществу господствует как в марксизме, так и в западной экономике. Он восходит к первым открытиям механики и физики, к детерминизму, к представлениям о мире как о сложной машине, которая, подобно часовому механизму, была

однажды заведена и продолжает свой путь. Карл Маркс писал: «Как небесные тела, однажды начавшие определенное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно вовлечено в движение попеременного расширения и сокращения, постоянно повторяет это движение».

Разница между марксизмом и западной экономикой состоит в том, что каждая из этих теорий считает, что именно она открыла единственно правильный закон – закон смены общественных формаций в марксизме, либо объективные законы свободного рынка на Западе.

Запад считает, что ошибочность марксизма окончательно доказана гибелью СССР. Как бы сама история подтвердила правильность теории свободного рынка, а за последствия ошибки, эксперимента марксизма, теперь расплачиваются низким уровнем жизни народы России.

Теория Отражения

Давайте посмотрим на первичность материи и понятие объективного с точки зрения теории отражения, части диалектического материализма.

Теория отражения говорит, что процесс познания заключается в формировании в сознании человека образа материи, её отражения. Можно сказать, что в сознании постоянно существует и развивается некоторая модель мира, или картина мира. Понятия «отражение» и «модель» в данном случае – синонимы.

У одного и того же явления или предмета может быть сколь угодно много отражений и измерений. Механика даёт один взгляд на литр воды, химия – другой, электротехника – третий. Всё зависит от угла зрения. Именно поэтому наука требует в точности воспроизвести угол зрения, требует досконально следовать всем правилам наблюдений. Если весы будут неправильно настроены, то результат определения массы не будет повторен.

Под определённым углом зрения $1+1=10$.

Как же определяется истинность, правильность отражения или модели? Критерием истинности созданной картины мира является практика, то есть подтверждается ли эта картина ежедневными наблюдениями и историей, или нет. Есть также требование логической непротиворечивости, то есть модель должна быть непротиворечива в данный момент для избранной цели.

Мы можем сказать, что «горизонт» – это та грань, где хрустальный купол небес соприкасается с краем земли; или «горизонт» – большой круг небесной сферы, плоскость которого перпендикулярна к отвесной линии в месте наблюдения.

Обе эти модели возможны, но вторая гораздо больше подходит для цели навигации.

Модели науки и религии

Почему же наука не признаёт религиозную точку зрения одной из возможных и истинных? Почему наука заставляет всех людей смотреть на мир под весьма детерминированным, узким углом зрения?

Во-первых, религиозный подход объявлен наукой не имеющим практического смысла. Цель религии воспринимается наукой как удержание власти над людьми через одурманивание их сознания. Наука не видит тот угол, с которого религиозные знания имеют больше смысла, чем научные. Где этот угол?

Цель науки – улучшение жизни человека.

Способ науки – преобразование природы.

Критерий успеха – чем сильнее человек приспособит под свои желания природу, увеличит материальное потребление, тем лучше. В начале своего развития наука выступала за настолько сильное изменение природы, насколько это технически возможно; постепенно она стала выступать за более разумное, ограниченное изменение.

Цель религии – тоже улучшение жизни человека.

Способ религии – преобразование сознания человека. Целью религии никогда и не являлось преобразование природы, но жизнь в гармонии с ней.

Критерий успеха – приближение сознания человека к идеалу бога («по образу и подобию божьему»).

Тогда возникает вопрос: Что лучше для улучшения жизни человека – преобразование природы или преобразование сознания человека? Или когда лучше первое, когда второе?

Во-вторых, религиозные знания не подтверждаются научной практикой. Поскольку доказательств существования бога не обнаружено, соответственно и цель религии выдумана, произвольна, субъективна, лишена смысла.

Но что есть практика, что есть критерий истины, когда говорят не о неживом камне или металле, который постоянен, а о быстро меняющемся сознании?

II. Познание и общение

Для разрешения противоречия между наукой и религией выделим два главных и принципиально разных процесса в жизни сознания (не тела) человека – познание и общение.

В процессе познания материального мира сознание отражает материю, то есть оно создаёт отражение, мысленный образ материи. Процесс познания сознания принципиально отличается от познания неживого мира.

Мы можем смотреть на неживой предмет с разных точек зрения, испытывать разные чувства, но при этом сам предмет меняться не будет. Будет меняться только отражение этого предмета в нашем сознании.

Живой же человек (и даже животное) будет менять своё поведение в зависимости от того, кто и как на него смотрит. Ещё сильнее человек изменится в зависимости от того, с кем и как он общается.

Что отражает сознание в процессе общения, в процессе познания другого человека? Естественно, оно отражает сознание другого человека, готовое отражение. Сознание познаваемого человека, в свою очередь отражает сознание познающего. Возникает отражение отражения, множественное и взаимовлияющее. При общении сознание, а не материя, становится первичным.

Практикой при общении или при познании сознания является локальное преобладающее сознание окружающих, группы, класса людей. Это сознание и есть критерий истины, и эта истина всегда относительна, субъективна. Это сознание локально, потому что человек может общаться только с ограниченным числом людей.

Соответственно, если человек проводит больше времени в отношениях с материальным миром и природой, для него материя первична. Если же он в основном занят общением с другими людьми, то для него сознание других людей первично. Особенно если человек получает еду и прочее необходимое для жизни от других людей, а не от природы.

Например, крестьяне или рабочие завода мало общаются в процессе труда, они в основном взаимодействуют с природой или с машинами, и так получают свой хлеб. Исследователи-учёные в лабораториях тоже малообщительны и погружены в мир молекул и формул. Жизнь же слуг, продавцов, священников или преподавателей проходит в общении, через общение они получают средства к существованию. Для них сознание – первично.

Продолжая эту мысль, если в обществе преобладают люди, которые заняты работой с природой, машинами или исследованиями материального мира, то такое общество материалистично. Если же преобладают люди, которые большую часть времени проводят в общении с другими людьми, и особенно, если в результате этого они получают свой хлеб, то это общество – идеалистическое.

В конечном счёте, человек достигает этапа насыщения, изобилия (3), когда дальнейшая еда не только бессмысленна, но и вредна. Кривая удовольствия разворачивается и идёт вниз. Чем больше человек ест, тем хуже он себя чувствует.

К сожалению, многие люди обладают сильной инерцией и неспособностью замечать точку насыщения, не знают меры. Они полагают, что кривая идёт вверх бесконечно. Вместо еды можно рассмотреть одежду, размер автомобиля, косметику, лекарства и так далее. Потребление всегда будет подчиняться этой кривой.

Теперь обобщим всё, что потребляет человек, и рассмотрим изменение потребностей в зависимости от материального достатка в целом. Мы опять увидим три ярко выраженных участка – этап необходимого, этап удовольствия и этап насыщения. Обычно эти три

этапа соотносят с чертой бедности (или минимального прожиточного минимума), средним классом и богатством.

Точки перехода от этапа к этапу относительно и индивидуальны. Один человек не станет есть псевдо-пищу, например, из Макдональдса даже от голода (чтобы не травиться); другой будет рассматривать её как удовольствие. Для одного, пожилого, человека большая квартира будет выше точки насыщения, поскольку за ней сложно следить. Другому для полного удовольствия нужны пять домов в разных городах мира. Но рано или поздно наступает предел, когда дальнейшее личное материальное потребление не очень интересно даже самому богатому.

Если потребности на минимальном уровне определяются скорее физиологией человека, то чем определяется выбор удовольствий? Что делает человек на этапе насыщения, если у него хватает ума остановиться в линейном потреблении? Объективен ли выбор удовольствий и последующих удовольствий, заложен ли он изначально в биологии человека?

Зависимость потребностей от общения

Особенность людей в том, что им нравится делать и думать так, как другие. Индивидуальному сознанию нравится быть похожим, копировать соседние. Люди массово идут на стадионы и смотрят одни и те же фильмы. Похожесть сознания даёт возможность общаться. Если бы сознание сильно отличалось, люди не смогли бы найти общий язык и не смогли бы общаться.

Индивидуальное сознание может какой-то короткий период времени существовать вне общественного, но оно не может воспроизводиться без общества. Индивидуальное сознание невозможно без общественного.

Можно утверждать, что после насыщения уровня минимальных потребностей, выбор дальнейших потребностей, то есть удовольствий, определяется возможностью человека общаться.

Мнение среднего поевшего человека определяется мнением его локального окружения. Он хочет быть как все, быть не хуже других. Он не хочет противоречить окружению, и он, как правило, принимает субъективную точку зрения, зависящую от окружения. Он берёт готовые отражения и «закачивает» в своё сознание. Посмотрите, по какому принципу люди выбирают рестораны, модную одежду или музыку.

Можно сказать, что белая берёза под моим окном принакрылась снегом, точно серебром. Можно сказать, что у меня во дворе есть два кубометра древесины стоимостью пятьдесят долларов, на которые можно купить серебряное кольцо. Оба эти отражения одного и того же возможны, но их истинность для человека будет определяться сознанием окружающих. Если вокруг купцы, они высмеют первое и с радостью будут приветствовать второе.

Итак, удовольствие зависит от общения и потому субъективно. Следовательно, удовольствие зависит от общества и от развития общества. Давайте посмотрим, как происходит это развитие.

Общество изобилия и материализм

С момента появления в обществе излишков еды происходит разделение труда, специализация и постоянный обмен товарами. Это делается с целью увеличения производительности и с целью уменьшения зависимости от необходимого. Поставленные цели достигаются. Производительность труда увеличивается, постепенно всё меньше людей занято производством необходимого, всё меньше взаимодействует с природой, всё больше – с другими людьми. Связи людей между собой преобладают над связями с природой. То есть общество всё больше идеализируется, для него изменение сознания людей становится первичным, более важным, чем преобразование природы.

Развитие общества в целом подчиняется всё той же S-кривой. Постепенно необходимым обеспечиваются все (или почти все), и все начинают искать удовольствия.

Такое общество само себя назвало обществом изобилия. В США оно было создано в 1950-х, в Западной Европе – на несколько лет позже, в Японии – к 1970-м. До этого в истории неоднократно возникали под-общества изобилия, обычно в виде классов. Это были, например, рабовладельцы, феодалы, знать, рантье.

Удовольствия в обществе (или в под-обществе) изобилия определяются общением, то есть самим этим обществом (и инерцией). Происходит отрыв от материальности и относительно свободный полёт общественного сознания в тех направлениях, которые приняты в этом обществе.

Отражение начинает отражаться и так далее. Конечно, этот полёт имеет границы, но он уже не определяется производством дополнительной еды, одежды или иных необходимых вещей. Сравните удовольствия разных Богатых классов в истории обществ, находившихся на примерно одинаковом уровне развития производства – они заметно отличаются.

У человека, находящегося на 1 участке S-кривой, деньги – мера необходимого. У находящегося на 2 участке, деньги – мера доступных удовольствий. Для анализа человека достатка надо понять, от чего он получает удовольствия, на что он тратит средства, оставшиеся после оплаты жилья и еды. Аналогично, чтобы понять общество изобилия, надо анализировать, на какие удовольствия тратятся деньги этого общества.

Если человек тратит 90% денег на необходимое, он материалистичен, если он тратит 70-80% на предметы не первой необходимости, он становится идеалистом. Если в экономике сервис и развлечения составляют 70-80%, как сегодня происходит на Западе, то именно они, а не 20-30% экономики «необходимого» определяют развитие. Говоря в терминах марксизма, надстройка становится гораздо больше и важнее базиса. Конечно, по инерции многие удовольствия связаны с материальными предметами, но только по инерции.

Если развитие общества на 1 этапе определяется уровнем развития производительных сил, то на 2 этапе оно уже не определяется ими. Для общества изобилия надо анализировать не развитие производства, а развитие удовольствий. Развитие удовольствий зависит от общения, то есть от самого общества, и является субъективным процессом.

Есть 3 основных фактора, определяющих развитие удовольствий, по мере важности:

1. Внутренние формальные правила, верования самого общества. Естественно, они инерционны. По мере развития в них возникают внутренние противоречия.

2. Конкуренция других обществ. Исторически конкуренция часто велась в области вооружений. Вооружения материальны, поэтому кажется, что и всё развитие материально. Кроме того, люди часто связывают удовольствия с оружием. С другой стороны, конкуренция сильна не всегда, и не всегда принимает материальные формы.

3. Если удовольствия связаны с природными ресурсами, то фактором становится ограниченность этих ресурсов. Если внутренние правила не располагают к развитию, конкуренция слаба, а природные ресурсы неограниченны, то общество изобилия вообще не развивается. Пример тому – африканские племена.

Мы пришли к относительности основного понятия материализма о том, что «Люди сами делают свою историю, однако ход общественного развития не определяется свободной волей людей, а обусловлен материальными условиями их жизни». Ни развитие социализма, ни развитие свободного рынка не являются объективными.

Поскольку развитие общественного сознания не является объективным, им можно управлять, и сознание можно формировать. Законы природы нельзя поменять по желанию человека, но законы общества – можно.

Общество и общественное сознание

Необходимо определиться с тем, что далее мы будем иметь в виду под понятиями общества и общественного сознания.

Марксизм оперирует терминами производительных сил, производственных отношений, базиса и надстройки.

Производительные силы определяются как система субъективных (человек) и вещественных элементов, осуществляющих «обмен веществ» между человеком и природой в процессе общественного производства.

Производственные отношения определяются как совокупность материальных экономических отношений между людьми в процессе общественного производства и движения общественного продукта от производства до потребления.

Соответственно, производственные отношения считаются основополагающими в обществе, являются его базисом. Культурные, юридические, идеологические и все прочие отношения относятся к вторичным отношениям, к надстройке.

На Западе этих терминов нет, но экономика, безусловно, признаётся фундаментом общества, и в признании первичности производственных отношений противоречия с марксизмом нет.

* *

Мы чётко разделим отношения между человеком и природой и отношения людей между собой, по принципу наличия отражения отражения.

Неживая природа, даже преобразованная человеком, предметы и орудия его труда, оборудование, заводы и так далее, не обладают сознанием и не могут создавать собственные отражения. Люди могут создавать собственные отражения, поэтому отношения между людьми надо изучать по принципам, отличным от принципов изучения природы.

Заметим, что машины, станки без сознания людей не имеют смысла; микроскоп для сознания человека из дикарского общества – просто тяжёлый предмет. Наоборот, имея знания, можно создать любые станки или быстро восстановить промышленность после разрушительной войны.

Обмен веществ между человеком и природой важен на первом этапе S-кривой, это уровень физики, химии, биологии, обмен калорий, витаминов и кислорода, тепла и так далее. На втором этапе важен обмен отражениями между людьми.

Под общественным сознанием мы будем понимать систему отношений людей между собой в обществе и их отношение к природе (но не природы к ним, поскольку у природы нет сознания).

Общественное сознание необходимо анализировать как самостоятельную систему.

Чем же определяется развитие общества изобилия и развитие его удовольствий?

III. Положительная обратная связь в науках об обществе

Для существования сложного общества с разделением труда совершенно необходимо наличие хороших знаний общества о самом себе. Как происходит такое самопознание?

Иными словами, модель общества должна включать саму себя, саму эту модель. Как происходит формирование такой модели?

В науках об обществе, которые являются самоанализом, познанием общественным сознанием самого себя, неизбежно возникает положительная обратная связь. Изучая само себя, сознание меняется, соответственно меняется предмет познания. Возникает замкнутый круг, отражение отражения. От того, как происходит познание, зависит и изменение самого сознания. Типичный пример – теория Фрейда. Она не столько познала человека, сколько изменила его поведение.

Отсюда все науки об обществе сугубо субъективны, и их подходы зависят от выбора точки отсчёта, угла зрения. Выбор точки отсчёта первичен, его невозможно доказать изнутри общества, изнутри модели. Его можно только постулировать или доказать извне.

Даже объективная физика произвольно постулирует (а не выводит) универсальное время, систему мер и весов. Плюсовая температура по Фаренгейту может быть минусом по Цельсию. Конечно, от того, каким градусником измеряется температура, сама температура не меняется. Но в зависимости от того, как измеряют сознание человека, оно меняется. Сознание человека стремится к тому, что считается максимально хорошим. Если скромность считается благом, то люди стремятся к скромности. Если максимальное потребление считается хорошим, то люди стремятся к потреблению.

То, что постулируется, есть не наука, есть вера. Выбор точки отсчёта, выбор веры – в конечном счёте это выбор между Добром и Злом. Все исследования об обществе, включая искусство и художественную литературу, не могут обойтись без осознанного или неосознанного выбора точки отсчёта. Для поддержания веры их приходится проверять на соответствие вере. Отсюда возникают понятия ереси, классового подхода, партийности литературы, цензуры, политкорректности и так далее.

Поддерживать веру и обновлять модель, находясь внутри общества, внутри модели, достаточно сложно. Имея внутренние интересы, это ещё сложнее.

К выбору между Добром и Злом мы вернёмся ниже.

Переход познавательной модели в управляющую

В процессе познания существует интересная закономерность. Познавательные модели стремятся перейти в управляющие. Познав законы механики, человек начинает строить машины. Познав законы роста растений, он начинает управлять ими, вносить удобрения. Человеку нравится переделывать мир под себя.

Общественная наука – всегда управляющая. Если же общественная наука ещё и ставит целью управление, то положительная обратная связь усиливается и процессы ускоряются. Экономика и политика как раз и ставят целью управление обществом.

Другая закономерность познания – инерция мышления. Создав познавательную или управляющую модель и просчитав желаемое развитие на 1-2 шага вперёд, человек думает, что он может развиваться в этом направлении бесконечно. Он обычно не видит системных переходов или не хочет их видеть.

Применение по инерции моделей к природе рано или поздно ограничивает сама природа физическими пределами. Применение же моделей к общественному сознанию в принципе ограничено только предохранителями самого сознания, если они есть. Оно может продолжаться в любом направлении и даже привести к самоуничтожению людей, как это происходит в некоторых религиозных сектах.

Особенно человеку нравятся модели, уже успешно применённые в какой-либо области. Он стремится перенести их на другие. Посмотрите, как математика проникла во все области знаний.

Христианство тоже пыталось перенести свою удачную модель, модель по преобразованию общества (рабовладельческого в более справедливое и свободное феодальное), на преобразования природы. Из этого ничего не получилось. Приближая поведение людей к идеалу Бога, можно улучшить отношения людей между собой. Но бесполезно упрашивать вирус или землетрясение.

Иногда природу надо было менять ради самих христианских ценностей. Наука в целом оказалась прекрасной моделью для преобразования природы. Естественно, учёным захотелось распространить науку и на управление обществом, на преобразование общественного сознания. Действительно, по достижении этапа изобилия более разумно менять организацию общества, а не продолжать дальнейшее изменение природы.

Добро, Зло и цели науки

Почему нельзя преобразовывать общество на чисто научной основе?

У науки есть один крупный недостаток. Она не различает понятия Добра и Зла, соответственно она не знает, в каком направлении осуществлять управление обществом. Она исходит – по инерции – из принципа «чем больше, тем лучше».

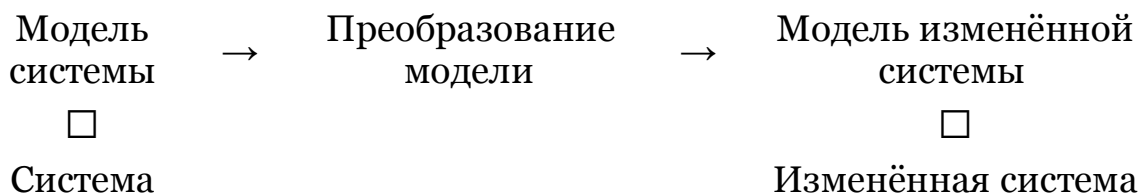
Поскольку Добро и Зло – понятия субъективные, то на первый взгляд наука относится к ним нейтрально, таких понятий в науке нет вообще. Но исторически наука возникла как отрицание религии, в первую очередь как отрицание религиозного отношения к происхождению и изменению природы. Это отрицание перешло и на христианское отношение к обществу.

Как мы увидим в последующих главах, за маской математической объективности, неизбежности и единственности развития удобно спряталось то самое Зло, с которым боролось христианство.

Второй причиной, по которой отношения людей не должны преобразовываться на научной основе, является язык науки.

Язык науки и общественное сознание

Схематически преобразование любой системы с помощью управляющей модели выглядит следующим образом:

Например, для получения нового химического раствора:

1. берётся существующий раствор, т.е. система,
2. записывается химическая формула, т.е. модель, существующего раствора,

3. записывается уравнение химической реакции, т.е. преобразуется модель,
4. получается формула нового раствора, т.е. модель изменённой системы,
5. проводится собственно реакция и получается новый раствор, т.е. изменённая система.

По этой же схеме инженеры сносят изменения в конструкцию автомобиля (модель – чертёж), радиоприёмника (модель – электрическая схема) и так далее.

Что происходит при применении этой цепочки к изменению сознания? Поскольку сознание и модель сознания – это одно и то же, то они совпадают. Происходит прямое изменение сознания, оно сразу принимает форму предлагаемой модели, ещё до преобразования.

Модель = Сознание – Преобразование – Изменённая модель = Сознание

Поскольку модели описываются на определённом языке, то сознание человека напрямую принимает форму языка модели. Если наша модель – фрейдизм, то сознание сильно меняется, лишь начав мыслить на языке фрейдизма, даже не дойдя до преобразований, которые он рекомендует.

Основной язык науки – математика и абстрактные символы. Исторически математика использовалась почти во всех науках о природе, откуда она перешла в повседневную жизнь. Природа постоянно вытесняется из повседневной жизни. Поэтому наука и математика стали использоваться для анализа человека, отношений людей и управления обществом. Математика легла в основу экономики, социологии, управления предприятиями, государством и обществом. Благодаря отражению отражения всё сознание людей начало активно меняться и перестраиваться под язык математики.

Адекватен ли абстрактный и точный язык науки и язык математики для описания отношений между людьми? Для описания того, что мы называем душой человека? Или отношения людей как раз и нужно описывать на языке Добра и Зла, на языке религии, библии, чувств, сказок и художественной литературы?

Превращение науки в религию

Взявшись управлять обществом, именно математика и материалистическая наука стали определять, как человек должен смотреть на весь мир. Математика и физика стали определять, от чего человек должен получать удовольствия. Они начали вытеснять все другие взгляды на мир, поскольку эти взгляды не вписываются в язык абстрактных символов и чисел. Они начали управлять общением людей и сводить общение к языку математики, к языку символов и материальных вещей.

Начав преобразовывать общество, изменять отношения людей, наука оторвалась от материи. Она перестала быть объективной и начала выполнять субъективную функцию религии.

Когда-то наука призвала к конкретным действиям вместо бесплодных религиозных споров в мире преданий и образов. Приведя к материальному изобилию, наука сама занялась созданием мира образов. Только эти образы далеки от человеческих.

Наука стала религией. Возникло идеалистическое общество с математической религией.

Когда общественная наука ставит целью изменение человека, как это делает экономика, она превращается просто в своего рода инструкцию по перепрограммированию сознания. Люди не познают объективную реальность, а перестраивают своё сознание, начинают мыслить в формальной системе свободного рынка (или марксизма). Чем больше людей перестраивают своё сознание, тем больше теория подкрепляется практикой (то есть сознанием окружающих), тем более объективной и правильной кажется эта теория-религия.

Далее мы будем считать, что:

Религия – основная форма существования общественного сознания.

История человечества есть смена религий.

В последующих главах мы подробнее рассмотрим выбор точки отсчёта, определение Добра и Зла, и влияние языка науки на сознание людей. Сейчас, чтобы понять, как устроена религия (и наука), нам необходимо глубже рассмотреть механизмы отражения.

Суммируя относительность материализма:

Знания о природе могут быть объективными. Знания об обществе принципиально субъективны и полностью зависят от выбора точки отсчёта.

По мере насыщения физиологических потребностей, удовольствия человека определяются общением. Критерием истины становится локальное мнение окружающих.

По мере насыщения потребностей общества, оно становится всё более субъективным и идеалистическим. Для анализа общества или под-общества изобилия надо анализировать развитие его удовольствий.

Науки об обществе не могут нейтрально познавать, они всегда меняют общество.

Наука, занявшись управлением обществом, превратилась в религию, не имея понятия о Добре и Зле.

Абстрактный язык чисел и символов стал основным в обществе и начал использоваться для взаимодействия и общения людей.

Религия – основная форма существования общественного сознания. История человечества есть смена религий.

Точки Привязки

I. Мир отражений

Совершим небольшое путешествие во внутренний мир сознания, в мир отражений. Язык религии – это язык не материального мира, это язык отражений.

Конечная цель нашей книги – защита сознания. Любая модель должна соответствовать поставленной цели. Поэтому мы не будем строить сложную и всеобъемлющую картину работы сознания. Нужна простая, понятная каждому человеку модель, которую можно было бы применять ежедневно.

Чтобы умело пользоваться пистолетом или уклоняться от пуль, не надо знать глубины физики и химии. Точно так же в повседневной жизни насилие над сознанием применяют далеко не самые интеллектуально развитые люди. Но поскольку большинство людей не владеют элементарными способами самообороны, применение насилия над сознанием даёт огромный эффект.

Во время чтения этой главы не пытайтесь анализировать своё собственное сознание. Самоанализ сознанием самого себя бессмысленен и невозможен, это затухающее замкнутое отражение.

Представьте себе следующую ситуацию. На футбольном стадионе установлена телекамера. Камера передаёт изображение стадиона на телевизоры за пределами стадиона. На самом стадионе тоже установлен большой экран, чтобы болельщики могли видеть детали борьбы. Что получится, если камеру навести на этот большой экран? Возникнет затухающая положительная обратная связь и, в итоге, чёрная пустота как на камере, так и на экране.

На самом деле призывы к самоанализу – один из механизмов манипуляции сознанием человека и общества. В пустоте, возникающей при попытке «самоанализа», можно задать изменение сознания в любом направлении.

Вместо самоанализа следует говорить об анализе того, как человека воспринимают окружающие, или того, как он воспринимает окружающих. Мысленно выберите какого-нибудь хорошего знакомого, к которому вы относитесь более-менее нейтрально. Анализируйте, как вы воспринимаете этого знакомого, или то, как этот знакомый воспринимает вас.

Понятие точек привязки

Сознание не может отражать весь бесконечный непрерывный внешний мир, поскольку объём сознания ограничен. Поэтому сознание фокусируется на его наиболее важных участках. Применим к философской теории отражения современный дискретный и объектный подход.

Сознание словно привязывается к некоторым определённым точкам материи, цепляется за них. Для таких наиболее важных точек сознание создаёт и запоминает отдельные отражения, образы. Процесс мышления – это процесс «хождения» по этим отражениям и создания новых.

Мы будем называть точки, в которых сознание привязывается к материи, к внешнему миру, точками привязки.

Мы выбираем это понятие как наиболее обобщённое. Точками привязки могут быть любые образы, запечатлённые в конкретном сознании – картинки, звуки, запахи, вкусовые и иные ощущения, слова, символы, абстрактные понятия.

Схожие обобщённые понятия есть в нейролингвистическом программировании (НЛП) и сайентологии.

В науке обычно говорят о языке; о разговорном языке, языке символов, языке запахов, языке звуков и так далее. Существует отдельная наука, семиотика, которая анализирует языки, системы знаков, символов, отношения между ними, отношения между знаками и тем, что знаки обозначают, а также между знаками и теми, кто их воспринимает.

Для нас язык – это более узкое понятие, это своего рода система точек привязки для какой-то выделенной предметной области. Язык – более формальная система, чем точки привязки. Средний человек не думает в терминах, например, языка запахов, он просто запоминает определённый запах и связанные с ним ощущения.

Другим схожим, но более узким понятием является «система ценностей». Точки привязки – это всё, что помогает человеку ориентироваться в мире, оставляет отпечаток в памяти, не важно, осознаёт это человек, или нет. Система ценностей – часть точек привязки высокого уровня. Например, дверь квартиры с номером, запах ели, звук пожарной машины – это точки привязки, они очень важны для человека, но они не относятся к системе ценностей. С другой стороны, понятия образования, здоровья или безопасности, относятся и к системе ценностей, и к точкам привязки.

Можно сравнить точки привязки с сигналами или с опорными сигналами. Но сигнал – более узкое понятие. Например, обои в комнате – это и не сигнал, и не ценность, но это важная точка привязки. Будем считать сигналы частью точек привязки.

Образно можно представить себе сознание человека как маленькую вселенную, маленький звёздный мир. Каждая звезда – это точка привязки. Каждая звезда – отражение в сознании какого-то предмета или понятия в жизни. В сознании постоянно появляются новые звёзды, постоянно гаснут существующие.

Виды точек привязки

Мы будем разделять абстрактные и конкретные точки привязки. Конкретные точки привязки являются прямым отражением каких-то явлений или предметов в жизни. Абстрактные точки привязки

объединяют в себе несколько конкретных точек, имеющих общие схожие свойства или связи.

Далее, мы будем различать оперативные и спящие точки привязки. Часто говорят о внимании, о концентрации внимания, о сосредоточенности, о том, «чем занята голова», «где твои мысли». В сознании существует много точек привязки, но в любой момент времени можно активно работать только с ограниченным числом точек привязки. Такие активно обрабатываемые точки мы и будем называть оперативными, а остальные – спящими.

Снова представим всё сознание человека в виде звёздного неба. Подобно тому, как человек ходит по земле, в его сознании невидимый дух летает среди точек привязки (звёзд), останавливаясь то в одних, то в других группах точек привязки. Дух зажигает новые точки (создаёт новые отражения) или меняет существующие. Те точки, которые дух долго не посещает, постепенно тускнеют или вообще гаснут.

Появление точек привязки

Чем больше у человека точек привязки, тем Богаче его сознание, тем Богаче его внутренний мир. Как появляются точки привязки?

Можно выделить 3 основных способа образования точек привязки:

1. Заложенные природой на уровне инстинктов. 2. Копирование готовых, созданных другими людьми, через общение. 3. Создание своих собственных через ощущения и творческое мышление. 4. Под общением мы понимаем как личное, так и общение посредством текстов, рисунков, звуков, движущихся картинок, и так далее.

Естественно, чем сильнее развито мышление у человека, чем сильнее его дух, тем Богаче его сознание и выше его способности по отражению мира и ориентированию в нём.

II. Заряды точек привязки

Введём понятие заряда точки привязки. Это позволит придать нашим рассуждениям привычные для математического человека точность, неизбежность, управляемость. Будем считать, что каждая точка привязки в сознании человека имеет некий условный заряд, на подобие электрического. Этот заряд показывает важность точки, относительный приоритет этой точки над остальными. Чем выше заряд, тем важнее эта точка для человека. Заряды могут быть как положительными, так и негативными. Положительные связаны с удовольствиями и радостью, негативные – с проблемами, болью, страхом и так далее. Человек обычно пытается избавиться от негативных точек и увеличить количество положительных. Большинство точек нейтральны и существуют просто как фон. Например, цветок на окне (+5), личный автомобиль (+1000), образование (+2500); наводнение (-1000), кашель соседа (-20), муха на стенке (-5). Соответственно, если в сознании человека преобладают положительные точки, то и сознание в целом положительно. Если негативные, то и сознание – негативно.

Изменение зарядов

В процессе жизни заряды точек привязки постоянно меняются. Они могут меняться временно или постоянно. Например, у голодного человека резко возрастает заряжённость еды, но заряд спадает сразу после утоления голода. У пережившего длинные периоды голода еда навсегда остаётся с сильным зарядом.

Первоначальный заряд точки зависит от способа её появления. Если это инстинкт, то заряд закладывается природой. Если точка появляется копированием от других людей, то она обычно копируется вместе с зарядом. Если точка возникает в результате собственного мышления, то её заряд определяется сравнением новой точки с уже существующими. В дальнейшем заряды меняются в зависимости от текущих ощущений.

Поскольку любая точка существует не сама по себе, а в связях с другими точками, то на изменение заряда точки напрямую влияют точки, связанные с ней. Например, если в определённом месте у человека произойдёт радостное событие, то и всё это место будет заряжено положительно.

Для некоторых точек заряд напрямую зависит от состояния точки привязки. Для таких точек существуют параметры, которые должны находиться в определённых рамках. Чем выше заряд точки привязки, тем важнее для человека, чтобы параметр соответствовал идеальному значению, иначе заряд будет меняться на обратный. Например, рубашка чистая (+5), грязная (-5); модное платье (+100), это же платье, вышедшее из моды (-100).

Противоречия и заряды

Фактически, любые противоречия – это противоречия желаний. Противоречия можно представить через заряды точек привязки. Противоречия могут существовать внутри сознания одного человека или между сознаниями разных людей.

Если в сознании одного человека связанные точки привязки имеют разные по знаку заряды, то и возникает противоречие. Например, скорость езды на автомобиле имеет положительный заряд, но она связана с авариями, которые имеют негативный заряд. Если скорость езды на американских горках не связана с негативной заряженной опасностью, то нет и противоречия.

Противоречия людей между собой возникают из-за несовпадения желаний, что, в свою очередь, вызвано разной заряжённостью точек привязки, или разными связями между точками привязки в сознаниях разных людей. Например, в сознании родителей позднее возвращение ребёнка домой связано с опасностью, в сознании ребёнка – с удовольствием общения. Развитие общественного сознания идёт в направлении поиска таких индивидуальных зарядов, которые были бы непротиворечивы между собой.

III. Хождения духа

Как мы говорили, дух человека постоянно путешествует по точкам привязки. У некоторых людей он ежедневно повторяет один и тот же путь, у других он всё время ищет новые места.

У одних новые точки зажигаются только через ощущения, поэтому для путешествия духа им обязательно нужно путешествие тела. У других дух убегает в точки привязки иных сознаний – через литературу и искусства – независимо от тела.

Подобно человеку-кочевнику, который долго не может жить на одном месте, бывают духи, которые тоже постоянно кочуют. Такой дух не успевает осесть, сам создать новые точки. Он наскоком потребляет готовые. Когда ему надоедает, он кочует дальше. Мы будем называть это кочевым сознанием.

Дух, в мире которого слишком много негативных точек привязки, стремится убежать от них, уйти в дальние уголки, где его ничто не будет беспокоить.

Взгляд на внешний мир зависит от того, из какого уголка мира отражений смотрит дух. Из одной точки космоса две планеты могут казаться очень близкими между собой, хотя в другой проекции между ними – сотни лет пути. Так и глядя с разных точек привязки, дух по-разному оценивает другие точки. Он видит разные связи, соответственно точки меняют заряды. Что раньше считалось чёрным, может стать белым, что было ужасом, станет удовольствием.

Точки привязки общества

У каждого человека существует своя иерархия точек привязки, то есть свои представления об удовольствиях, о проблемах и об их относительной важности.

Но чтобы построить общество, необходимо взаимодействие людей, необходимо наличие общих точек привязки. Необходимо наличие общих точек привязки как к материи, так и общих точек привязки сознания разных людей друг к другу.

Учитывая, что сознание человека ограничено, и ещё более ограничено возможное количество оперативных точек привязки, очень важен правильный выбор этих общих оперативных точек. Их необходимо зафиксировать, и постоянно удерживать сознание людей в этих точках, иначе сознание будет разбегаться.

С одной стороны, общие точки должны быть зафиксированы жёстко, с другой стороны – не слишком жёстко, иначе сознание окажется в своего рода клетке и не сможет развиваться.

В любом обществе существуют системообразующие точки привязки, то есть общие фиксированные точки сознания. От них, словно от ствола у дерева или от скелета у животного, отстраивается всё остальное сознание. Естественно, что для жизнеспособности общества необходима постоянная

защита системообразующих точек, и согласованное всеми их изменение. Разрушение системообразующих точек ведёт к гибели общества, независимо от физических факторов.

Разрушение абстрактных общих точек привязки сознания имеет более сильные последствия, чем уничтожение храмов или икон, поскольку первое происходит скрытно.

Защита точек привязки

Узнать человека – значит узнать точки привязки его сознания, узнать удовольствия и «больные» точки.

Управлять человеком можно через материальный мир. Но можно и через отражения этого мира. Управлять человеком можно через точки привязки его сознания. Управление сознанием гораздо более скрытно и эффективно, чем материальное управление.

Сознание безгранично. От того, под каким углом человек будет смотреть на мир, с каких позиций, будет зависеть восприятие мира человеком. Человека можно уводить в разные места мира отражений, и он совершенно по-разному будет видеть, что происходит вокруг; по-разному будет видеть, где Добро и где Зло.

Если человек будет смотреть на мир с тех же точек, с которых смотрел Бог, он будет видеть мир его глазами. Если человек отвергнет Бога, уйдёт с этих точек, то мир, как его знали до этого, исчезнет. Человек увидит мир глазами дьявола, и это будет мир дьявола.

Подробнее об управлении точками привязки и защите сознания мы будем говорить в последующих главах.

IV. Религия и точки привязки

Как мы отмечали, история общества есть развитие общественного сознания. Общественное сознание организовано в виде систем общих для всех членов общества отражений, общих точек привязки сознания. Без религии не может быть общества.

Нам необходимо различать веру, как систему точек привязки; и организацию людей, поддерживающих веру. Обычно такую организацию называют церковью. Вместе вера и церковь и составляют религию.

Если рассмотреть маленькое общество, например, племя, живущее на ограниченной территории, то ему достаточно простых символов религии, простых точек поклонения. Обычно это высокое дерево, камень или животное, которые постоянно на виду и напоминают о себе. Эти символы держат вместе людей племени.

Общество тем сильнее и конкурентоспособнее, чем оно больше. По мере увеличения размера племени, местных символов становится недостаточно. Когда высокие статуи уже не видны, символами становятся звёзды на небе. Затем – чисто абстрактные символы, абстрактные точки привязки. Так возникают Боги.

Структура религии

Давайте формально сравним три религии, наиболее известные и понятные нам – христианство, религию денег (она же рыночная экономика) и советский социализм.

Можно выделить одну под-религию, существующую и в религии денег, и в социализме – религию прогресса, или религию науки и техники. Социализм – это своего рода попытка сочетать религию прогресса и христианство.

1.	<u>Высший символ, символ власти над миром</u>	
	Христианство (X)	Бог
	Религия Денег (Д)	Деньги
	Социализм (С)	Производительные силы и человек
2.	<u>Основа мироздания</u>	
	X	Всё в мире происходит по воле божьей.
	Д	На всё воля свободного рынка.
	С	Развитие зависит от производительных сил и от усилий человека по саморазвитию.
3.	<u>Как действовать человеку</u>	
	X	Поступай согласно божьим заповедям, стремись к идеалу Бога.
	Д	Копи предметы поклонения (деньги), любое действие должно быть подчинено рынку.
	С	Развивай производительные силы и самосовершенствуйся.
4.	<u>Как действовать обществу</u>	
	X	Помогать друг другу.
	Д	Увеличивать ВВП (Валовой внутренний продукт).
	С	Увеличивать ВВП и помогать друг другу.
5.	<u>Шаги человека</u>	
	X	Грех – шаг против заповедей, доброе дело – согласно заповедям.
	Д	Грех – убыток, доброе дело – прибыль.
	С	Объединение христианства и религии денег.
6.	<u>Главный зрительный символ</u>	
	X	Распятие (крест)
	Д	Знак доллара – \$
	С	Серп и Молот, Красная Звезда, Красное Знамя
7.	<u>Носимые символы</u>	
	Д	Нательный Крест

		Д	Наличные, кредитная карточка
		С	Значок с серпом и молотом или звездой, партбилет
8.	<u>Ежедневные символы</u>		
		Х	Распятие, иконы
		Д	Наличные, счётная книга, чеки, пластиковые карточки
		С	Портреты вождей, лозунги; рубли
9.	<u>Главные процедуры в жизни человека</u>		
		Х	Молитва, исповедь, посещение церкви, пост
		Д	Подсчёт прибыли (месячной, квартальной, годовой)
		С	Следование линии партии (через чтение газет, просмотр ТВ, посещение собраний); выполнение производственных планов; саморазвитие
10.	<u>Верховный орган власти</u>		
		Х	Папа или Патриарх, иногда Государь
		Д	Держится в тайне
		С	Генеральный секретарь и Политбюро партии
11.	<u>Главная структура власти</u>		
		Х	Церковь
		Д	Банки
		С	Партия
12.	<u>Праздники</u>		
		Х	Дни исторических событий, связанных с Богом и святыми
		Д	Любой момент получения прибыли
		С	Дни исторических событий, связанных с партией и Родиной
13.	<u>Вознаграждение</u>		
		Х	Рай после смерти, уважение окружающих при жизни
		Д	«Рай» при жизни – есть деньги, делай что хочешь
		С	Уважение плюс некоторые материальные блага при жизни, коммунизм как будущий рай для всех
14.	<u>Основатели</u>		
		Х	Иисус Христос, его ученики
		Д	Открыто – Адам Смит, скрыто – ?
		С	Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин
16.	<u>Святые</u>		
		Х	Защитники веры
		Д	Накопившие много денег
		С	Защитники веры и герои труда

Точки привязки в разных обществах

1	2	3	4	5	6	7	8
дореволюционная Россия, точки привязки крестьянина	дореволюционная Россия, точки привязки рабочего	Советская Россия, точки привязки и рабочего	Советская Россия, точки привязки крестьянина	Америка, точки привязки рабочего до 1950-х годов	СССР, точки привязки среднего человека 1980-х	Россия, точки привязки и жителя крупного города начала 2000-х	Америка, точки привязки современного среднего класса
Бог	Бог	Коммунизм	Бог	Деньги	Деньги / Идеалы	Деньги	Деньги
Царь	Царь	Сталин	?	Деньги	Страна	Деньги	Деньги
Помещик/Община	Хозяин	Директор	Председатель колхоза	Хозяин	Начальник	Начальник	Босс
Церковь	Церковь	Партия	?	Банк/Церковь	Партия / Блат	Банк/Наличные	Банк
Семья	Семья	Семья	Семья	Семья	Семья	Семья	Активы/Вещи
Земля	Завод	Завод	Земля	Завод	Завод/Учреждения	Фирма	Фирма
Изба	Лачуга	Квартира	Изба	Квартира/Дом	Квартира, Дача	Квартира	Дом
Скотина	Станок	Станок	Скотина	Станок	Станок / Стол	Офис	Офис

АЗБУЧНЫЕ ИСТИНЫ

- С**амолечение не вредно, если у вас большое самолюбие.
- С**амые лучшие средства обычно не по средствам.
- Л**итературные опыты можно ставить прямо на людях.
- В** жизни, как в математике, очень много мнимых величин.
- С**клероз будет побеждён, когда о нём все позабудут.
- Х**очется, чтобы пища для ума тоже была вкусной и здоровой.
- Х**озяин своего слова заведомо его раб.
- В**ек научно-технического прогресса: к его окончанию это звучит как диагноз.
- Э**кономический рост самый незаметный, зато падение – самое болезненное.
- Э**колесица.

Иван Иванюк

Ты знаешь ли, как пахнет колос?
Не васильком, не мотыльком.
Он пахнет так, как пахнет порох:
Железом ржавым и дымком.
Здесь шли бои, здесь всё в окопах –
Живой гармонии распад.
Застыли танки в перископах
И скирды жёлтые горят.
...Плуги стальные твердь взрыхлили.
В туманах растворилась боль.
Посевы тучные всходили,
И зёрна бились о ладонь.
Выводит песню звонкий голос
Про звездопад, про край родной.
Как порох пахнет спелый колос –
Солдат негибнувший ржаной.

Почему-то так стало тихо,
Звуки замерли навсегда.
Словно снова татарское иго –
Тучи чёрной чернее беда.
И такое не в мочь молчанье
Только сердце тревожный гром:
Это мечется в нём отчаянье,
Это время идёт на слом.
И хрустальные прочные замки
Тут же рушатся на глазах.
И скрывается в полумраке
Непонятно таинственный страх.
И неведомое открывается
В неразгаданной чистоте –
Всё из атомов слагается
В изначальной своей простоте.
Вновь из времени поднимаются
Замки сказочной красоты
И упорством своим утверждают
На фундаментах из мечты.

Время тяжестью давит на плечи:
Черета нескончаема лет.
У Михайла Васильича встреча –
Охраняющего факультет.
Взор его как всегда беззаботный,
Устремлённый в пространство веков.
Дескать, жизнь – это ваша работа
До надсады локтей и боков.
Мы паломники юности светлой.
Храм надежды не меркнет в душе.
И не мысля свидания с Летой,
На бессмертья стоим рубеже.
А иначе к чему эти речи,
И Михайло Васильич к чему?
В память разума теплятся свечи
Прерывая вселенскую тьму.

Как тяжело смотреть на Русь больную:
Пульс нефтяной неистово частит.
И страшно в пору жить свирепую, пустую,
Когда народа беспробудно совесть спит.
А Он просил: «Не спите в час последний».
И может быть иной была б судьба,
И не простёр бы длань над миром идол медный
И был бы шанс у каждого раба.
Все предали высокое, святое.
И всё ж надежду Он оставил нам,
Что будет мир не вечно под пятою,
И силы бездны пересилит Храм.
Дыши, о Русь, дыханием надежды.
Так верится, что вновь восстанешь ты.
И станешь ты могучая, как прежде
И не утратишь символ частоты!

Юрий Кириллов

Я всё забыл.
Забыл и лес, и поле.
Забыл и радости, и горе.
У звуков красок больше нет,
И, как стекло, прозрачен свет.
Я всё забыл, я всё забыл.
И то, что миф, и то, что был.
Но я ведь есть, и я ведь был.
И должен вспомнить, что забыл:
Рожденья самый первый вскрик,
Часов приветливое: «тик»,
И зло от всех своих врагов,
И от друзей жестокость слов,
И чередой – за ликом лик –
Низверженных полубогов.
И ненависть мне рот сведёт,
И вместе с ней любовь придёт.
Потом толпа лихих забот
Меня легонечко примнёт.
И буду я таким опять,
Каким был сотни лет назад.
И буду я таким, как был.
Я вспомнил всё. Я не забыл.
Я вспомнил всё. А дальше что?
Но нет. Не помню ничего.
И только чудятся слова:
«Сегодня, завтра и вчера».
И кто я есть? Опять никто.
Я должен, должен вспомнить всё.

Юрий Кириллов

Ушли наши юные годы,
Мелькая зарницей вдали.
Но памятны первые всходы
И веры, и чистой любви.
Наставников памятны речи –
Хранителей добрых начал.
И чудится, что не намечен
Строителем вечный причал.
Простор для души и для тела,
Для мысли, стремящейся ввысь.
Без окриков: «Слово и дело!»
С напутствием храбрых: «Держись!»
И есть ли предел вдохновенью... –
Об этом узнать не дано:
Мы первому верим мгновенью.
Как жаль, что оно не одно!
Как жаль, что под гнётом сомнений
Лишаешься твёрдых опор.
И вот уже сонм сновидений
Реальностям наперекор.
Что ж, всё позади, или в вечность
Ведёт предназначенный путь? –
Так звёзды летят в бесконечность
И круг никогда не замкнуть.

